

въ санки. И поѣхалъ за городъ, увезъ въ лѣсъ. Взялъ кинжалъ и зарѣзалъ; а самъ воротился опять въ тотъ городъ.

2. Жена его немного полежала и думаетъ: „какъ я сюда попала?“ — И потомъ обдумалась, что ее мужъ рѣзалъ, и тогда только почувствовала боль въ боку. Мужъ ее ранилъ только, но не смертельно. Вышла она на дорогу и пошла, куда глаза глядятъ.

И слышитъ: кто-то говоритъ, что въ такомъ-то городѣ нѣтъ воды; а только у такого-то купца въ *ограду* выкопать колодець, только двѣ сажени, и будетъ вода. А этой воды взять бутылку и — у такого-то царя болить дочь — этой водой попить, и она выздоровѣетъ.

3. На другой день она приходитъ въ городъ и рядится у правительства копать колодець. Ее, понятно, порядили. И вотъ она приходитъ къ тому купцу въ ограду и копаетъ колодець. И, къ великому изумленію всѣхъ, докопалась до воды; онѣ сколько не копали, воды не могли найти.

4. Взяла она бутылку воды и отправилась въ тотъ городъ, гдѣ у царя была больная дочь. Царь ей посулилъ, что если она вылѣчитъ его больную дочь, то онъ ей полцарства отдастъ. А она, понятно, ее вылѣчила; и, когда она собралась въ свой городъ, царь ей наградилъ деньгамъ и далъ генеральской чинъ.

5. Вотъ приходитъ домой, въ городъ, и мужъ ее; уже женится. Приходитъ она къ мужу и говоритъ: „Тебѣ жениться нельзя, потомучто жена твоя жива, и вотъ она!“ — А сама скинула мужское платье. И мужъ всталъ на колѣнки и попросилъ прощенія.

Жена мужу, понятно, простила и генеральской чинъ передала ему.

61. Воръ Борма.

1. Въ одной деревнѣ жили два вора — дядя съ племянникомъ. Разъ собрались они въ городъ воровать. Приходятъ, взлѣзаютъ въ окно.

Дядю звали: „воръ Борма“. Вотъ онъ приходитъ къ купцу въ спальню. Купецъ спитъ, а слуга стоитъ карау-

литъ. Воръ Борма взялъ, спящево слугу положилъ на полъ, а самъ сталъ дежурить. Купецъ просыпается и говоритъ: „Слуга, спишь?“ — А воръ отвѣчаетъ: „Ахъ, баринъ, уснулъ да видѣлъ во снѣ, будто у тебя деньги и лошадей украли“.—Купецъ росмѣялся: „деньги у меня подъ подушкой, а ключи у меня въ карманѣ отъ лошадей!“—А вору Бормѣ это и нада, чтобы узнать, гдѣ лежатъ у его деньги.

Потомъ сходилъ, нашелъ буракъ *мѣлу* и вылилъ имъ на кровать. Баринъ просыпается и говоритъ: „бароня, ты *окостилась*... Слуга, подкинь намъ рогозки, а это все унеси въ кухню!“

Воръ Борма носить и выкидываетъ на улицу, а племянникъ тѣмъ временемъ лошадей запрегъ.

2. И вотъ, когда воръ Борма все уже выкидалъ и самъ вылѣзъ, и задумали дѣлать промежъ собой. Племянникъ говоритъ, что деньги пополамъ, а лошадей и перину Бормѣ. Воръ Борма не согласился: „я,—говоритъ:—пойду спрошу купца“. И полѣзъ опять въ окно. Опять сталъ ко кровати и говоритъ: „Баринъ, я видѣлъ во снѣ, что у тебя вору все украли—деньги, шубу, лошадей,—и которой воровалъ, тому только даетъ его товарищъ лошадей, шубу и перину, а деньги пополамъ“. — Купецъ росмѣялся и говоритъ: „кто воровалъ, тому всѣ деньги и лошадей“.

Вылѣзъ воръ Борма. — „Ну, что?“—„Да говоритъ купецъ: [„кто воровалъ, тому всѣ деньги и лошадей“]—„Выдумаетъ что!“

3. Воръ Борма и говоритъ: „укради у меня свинью изъ избы. Если украдешь, все твое; а не украдешь, все мое“.—Такъ и здѣлали. Принесъ свинью Борма въ избу. Приходитъ племянникъ, поймалъ свинью и понесъ домой. А онъ жилъ въ другой деревнѣ.

А воръ Борма взялъ узду и пошелъ за нимъ. Когда они вышли въ поле, Борма и давай побрякивать уздой. А племянникъ и говоритъ товарищу: „Поди, тамъ лошадь ходитъ, съ уздой. Мы уведемъ ее“.—Товарищъ подбѣгаетъ къ Бормѣ и не узналъ его. А Борма и говоритъ тому, который держалъ свинью: „Поди, *имай* ты лошадь! Мнѣ не *имается*“. — Племянникъ отдалъ Бормѣ свинью, а самъ ушелъ.

Борма давай тащить [свинью] домой. Но тѣ збѣгаются; одинъ говоритъ: „гдѣ свинья? я тебѣ отдалъ“. — „Я не биралъ“. — „Это мы отдали. Бормѣ“. — И давай гнаться.

Воръ Борма увидалъ погоню и маршъ въ пустую избу. Тѣ приходятъ, а воръ Борма какъ закричитъ; давай ихъ *водить* полѣномъ. Они струсили и убѣжали.

Тогда Борма взялъ свою свинью и пошелъ домой. Понятно, что было украдено, все досталось Бормѣ.

4. Тогда Борма сталъ воровать. Одинъ разъ онъ ходилъ въ городъ, но ничего не могъ украсть. Идетъ домой, а дорогой ѣхалъ архирей. Борма легъ на дорогу и обернулъ экипажъ. Архирей взялъ плеть и давай *водить* Борму. А Борма приговариваетъ: „Ты сколь меня накажешь, я втрое отплачу“. — Вотъ архирей остановился ночевать. Борма обулъ когти и взлѣзъ на стѣну и говоритъ: „Архирей, архирей, ставай! ты угоденъ Богу. Я пришелъ за тобой“. — Посадилъ его въ суму и унесъ къ собору въ городъ и подписалъ, что кто пойдетъ въ церковь, долженъ колонуть два раза. — Вотъ начали архирея наказывать; а когда розвязали суму, онъ еле живъ сидитъ.

5. Архирей далъ знать царю. Царь узналъ, что это у него Борма, и началъ дѣлать преслѣдованіе, какъ бы поймать Борму. Разъ ночью царь наредился воромъ и пошелъ по улицѣ. Ему, понятно, встрѣчу Борма. Царь говоритъ: „ты кто?“ — „Я, — говоритъ: — воръ Борма“. — „Пойдемъ тогда вмѣстѣ воровать!“ — „А куда пойдемъ?“ говоритъ Борма. — Царь говоритъ: „пойдемъ къ царю“. — Воръ Борма какъ задасъ ему: — „Я, — говоритъ: — за царску денежку самъ удоволься. Пойдемъ лучше къ господамъ“. — И пошли.

Приходятъ. Стоитъ домъ четыре ѣтажа. Воръ Борма обулъ когти и полѣзъ по стѣнѣ. А тутъ держатъ совѣтъ окормить царя. Слѣзъ Борма со стѣны и говоритъ: „Эхъ, землякъ! тамъ хочутъ царя погубить. Какъ бы его спасти?“... А вотъ Борма говоритъ: „давай помѣняемся фуражкамъ: а завтра я свою узнаю и ты свою узнаешь. А ночью подумаемъ“.

На другой день приходятъ въ соборъ. А когда вышли изъ церкви, царь обернулся къ Бормѣ и говоритъ: „На пиръ меня звали“. — Вотъ они сѣли въ экипажъ и поѣхали. А дорогой Борма и говоритъ: „Когда будутъ подносить

вина, ты говори, что я болѣ тебя чиномъ. А я знаю, что дѣлать“.

Пріѣзжаютъ. Царь, понятно, сказалъ, что „Борма выше меня чиномъ“. А воръ Борма и говоритъ, что „въ нашихъ мѣстахъ хозяева *началуютъ*“ — Хозяинъ выпилъ и упалъ мертвый. Тогда Борма говоритъ: „Поѣдемъ домой, здѣсь одна смерть“.

Пріѣхали домой. Царь и говоритъ: „Чѣмъ тебя наградить?“ — „А мнѣ ничего не надо. Дай только такой указъ, чтобы *канфорова* посуда одна была“. — Тогда господа всю золотую и серебряную посуду продали и держатъ одну канфорову. А воръ Борма день торгуетъ, а ночь воруетъ ту же посуду, которую днемъ продалъ. И до того догналъ всѣхъ господъ, что оставилъ безъ гроша. Наконецъ и наѣздили.

62. Любовникъ деревенской бабы.

1. На одной деревнѣ жилъ мужикъ. Жена ему измѣняла. Разъ мужикъ задумалъ испытать свою жену и говоритъ женѣ: „Правда ли, что которые ѣдятъ масляно и пьютъ пиво горькое — отъ масла слѣпѣютъ, а отъ пива глохнутъ?“ — Немного прошло время, жена давай мужа кормить масляно и поить горькимъ пивомъ. Мужъ и говоритъ женѣ: „Я вѣдь уже плохо вижу и плохо слышу“.

Женѣ это на руку. И вотъ, позвала своего любовника въ гости, такъ какъ ее мужъ не видитъ и не слышитъ.

2. Посодила его за столъ и давай угощать. Но потомъ ушла изъ избы. А мужъ ее взялъ ружье и хлопъ любовника; а въ ротъ толкнулъ цѣльный блинъ. Приходитъ его любовница и въ изумленіи смотритъ на него. — „Экой ты обжора! Неужали бы не наѣсться помаленку? Смотри: по-довился!“

Что дѣлать? Надо куда-нибудь дѣвать. Утащила на рѣку покойника и посадила въ лодку и отпустила по водѣ.

3. Вотъ плыветъ нашъ любовникъ. А въ рѣкѣ рыбаки замечали сѣти.— „Куда,—говорить:—плывешь? Сѣти изорвешь!“—Но мертвый не слышитъ. Подъѣзжаетъ рыбакъ и хлопъ весломъ по головѣ. И опять убилъ.